

Вырезка из газеты СТАЛИНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Минск, БССР

Газета №

БРЕСТСКИЕ ВСТРЕЧИ

346
Трудно писать обо всем том, что пришлось увидеть, пережить и перечувствовать за 15 дней большой и радостной работы в Бресте.

Пытаешься собраться с мыслями, обобщить и подытожить пережитое, но сразу же возникают сотни острейших сцен, лица людей, слова, ощущения. Не привычные для советского человека понятия и взгляды. Тысячу курьезов, трогательных, смешных и нелепых. Патетические сцены предвыборных собраний, жуткие рассказы беженцев и жадные без конца расспросы о нашей советской жизни.

В первый же день пребывания Минскского театра юного зрителя в Бресте в коридоре спортивного клуба «Свит», где наш театр давал свои спектакли, к группе актеров подошел бело одетый человек. Он долго мялся, не решаясь заговорить. Мы познакомились. Это был билетер клуба: «Простите, товарищи» — начал он довольно чисто по-русски. «Вы не сможете ли мне сказать, что такое у вас в Советах народный артист?». Интонация спрашивающего говорила сама за себя. Ему казалось, что народный артист, это что-нибудь вроде бродячего комедианта, выступающего по дворам и трактирам. Мы объяснили ему, что народный артист в Советском Союзе — самое высокое звание, даваемое лучшим людям нашего театра. Лицо спрашивающего просветлело: «Вот получил на днях от брата письмо, он пишет, что работает в Москве, что он народный артист республики и даже имеет какие-то ордена». А кто Ваш брат? — «Зускин. Знаете такого?».

Еще бы не знать нам Зускина. Рассказываем брату знаменитого актера Московского государственного еврейского театра о том, какой популярностью пользуется Зускин в Союзе, о его работе в театре и в кино, о том, как любят его зрители всех национальностей. Билетер слушает и краснеет от удовольствия. Потом достает пачку выцветших семейных фотографий, среди которых детские снимки его знаменитого брата. Худенький, большоглазый и робкий мальчик смотрит

с помятого фотоснимка. Кто знает, кем был бы наш народный артист Зускин, если бы остался вместе с братом в польском Бресте.

На одной из маленьких станций переезда Столбцы—Барановичи, где наш поезд стоял более получаса, как и везде вокруг людей, едущих из СССР, собралась большая толпа. Невысокого роста, небогато, но чисто одетый человек с бритым лицом протиснулся к нам и представился как актер еврейских театров Любенкий. Он засыпал нас вопросами о советском театре, о том, как получить советскую пьесу. Любенкий теперь руководит белорусскими и еврейскими кружками художественной самодеятельности. Жадно слушает он рассказы о еврейском театре в Советском Союзе, о «Короле Лире» в Московском ГОСЕТ'е. «У вас играют Шекспира?! Да еще на еврейском языке! И без всяких переделок! Но ведь там же речь идет о короле?! И «Аиду» у вас ставят?!». Он недоверчиво покачивает головой. «Странно, а у нас в газетах писали, что королей и царей у вас прогнали не только из дворцов, но и со сцены».

Блжком набитый зал клуба «Свит» в Брест-Литовске. Гирляндой людей висят на перилах лестницы, ведущей на балконы. Молодежь примостилась на скамьях спортивных шведских стенок спортивного зала. Счастливицы сидят на стульях в подоконниках. Сотни людей стоят. Они готовы стоять часами. Они смотрят советский спектакль. Пьеса Вольского «Чудесная лудка» смотрится ими как живой кусок советской культуры, занесенный в Брест. Особая, накаленная восторгом и радостью непосредственности атмосфера царит в театре. Непрерывные аплодисменты, поощрительные реплики. В лице героя народной сказки, белорусца Янки, вчера еще придуренный панским салоном рабочий, ремесленник, крестьянин, находящиеся в зрительном зале, приветствуют народную мудрость, неукротимый народный дух, народную смекалку побеждаю-

щих панов. После каждого акта гремят овации, а после последнего, заключительного танца крики: «Смерть панам!»

До 17 сентября 1939 г. в Бресте не было настоящего театра. В клубе «Свит» и в помещении кино-театра «Сарбора», на крохотных необорудованных сценах изредка играли заезжие актеры или местные любители ставили случайные спектакли. Были в Бресте и актеры профессионалы, постоянно проживающие в городе, но они владели жалкое существование. Опытный актер и режиссер русской оперетты Андреев-Трельский в течение последнего года торговал лимонадом. Актер русской драмы Лебедев пять лет перебивался случайным заработком. Без работы ходил еврейский куплетист Элицер. Работы и не могло быть. Русский театр был запрещен, еврейские труппы преследовались, а о белорусском театре и помышлять нельзя было. Война забросила в Брест еще десяток актеров разной национальности, терпевших острую нужду. Все эти актеры были разобщены, каждый по-своему искал куска хлеба. В панской Польше национальный антагонизм раз'единял работников искусств. Люди жили в одном городе, всем было одинаково плохо, но польские, русские, еврейские актеры не знали друг друга даже в лицо. Только с приходом Красной Армии стало возможным объединение всех творческих работников Бреста для служения на благо освобожденному народу.

Совместно с председателем Временного Управления тов. Гареликом мы провели совещание, посвященное организации в Бресте постоянно действующего театра. Этому театру уже перетан лучший зал города — зал клуба «Свит», а для развешивания подсобных работ театра — бывшее общежитие спортсменов. Временное Управление выделило специальные суммы для оказания материальной помощи актерам. С 1 ноября под руководством Андреева-Трельского началось выступление театральной труппы. Из этой труппы должен вырасти областной театр музыкальной комедии.

Шуплый 12-летний мальчик, скрипач

Юра Клечко уверенно держится на эстраде. Но разговаривает с нами робко и неохотно. Этот одаренный ребенок совсем не привык к детальным расспросам посторонних взрослых. Он стыдится нужды своих родителей. Два года Юра учился в Варшавской консерватории у профессора Коханского, впроголодь живя на нищенскую государственную стипендию и кой-какую помощь отца—учителя пения гимназии в Бресте. Этой осенью Юра должен был прекратить свою музыкальную учебу, так как русская гимназия, в которой работал отец Юры, должна была закрыться. Но с приходом Красной Армии все изменилось. Теперь Юра мечтает об учебе у советских скрипачей. Он был на концертах Ойстраха и Буси Гольдштейна в Варшаве. Затаив дыхание слушает мальчик рассказы об одесской школе одаренных детей профессора Столярского, о московской, ленинградской, киевской и минской консерваториях. Он хочет быть таким скрипачем, как Ойстрах и теперь сможет стать им. Сейчас он занимается сам, чтобы как можно лучше сыграть перед советской экзаменационной комиссией. Родители Юры готовят его по общеобразовательным предметам. Ведь в Варшавской консерватории, кроме занятий по классу скрипки, больше ничем с Юрой не занимались. «Скажите, может Ойстрах взять меня к себе в класс?», спрашивает Юра.

Персбивая друг друга, расспрашивают брестские работники искусств о революционных знакомых своих по русскому театру. Многие из этих знакомых теперь члены советского правительства, народные артисты-орденоносцы, знатные люди страны. Брестские актеры широко открывают глаза, когда узнают о тысячах наших новых театральных помещений, дворцах культуры и клубах. Размеры зданий и сцен вместимость зрительных залов их даже немного пугают. «Трудно поверить!» — говорят они. Ложь и клевета польской печати закрывали глаза и уши гражданам бывшей польской республики на все, что делалось в стране Советов.

Р. СУСЛОВИЧ.

Режиссер Белорусского государственного театра юного зрителя.